

СТИВЕН КИНГ,
ЭДГАР ПО, ЙОН А. ЛИНДКВИСТ и другие...

СИЯНИЕ ВОТЬМЕ

К двадцатилетию
LILJA'S LIBRARY

Составитель
Ханс-Оке Лилля

Темная башня (АСТ)

Клайв Баркер

Сияние во тьме

«Издательство АСТ»

1976, 1993, 2006, 2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Баркер К.

Сияние во тьме / К. Баркер — «Издательство АСТ», 1976, 1993, 2006, 2017 — (Темная башня (АСТ))

ISBN 978-5-17-135012-3

В 1996 году – двадцать пять лет назад! – швед Ханс-Оке Лиля, страстный почитатель Кинга, создал сайт «Lilja's Library – Мир Стивена Кинга», чтобы «держат читателей в курсе всего, что происходит в Королевстве Стива». Двадцатилетие этого ресурса он отметил изданием сборника «Сияние во тьме», который мы рады представить русскоязычным читателям. Рассказы известных мастеров хоррора, собранные под одной обложкой, нагоняют такую жуть, что дух захватывает.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-135012-3

© Баркер К., 1976, 1993, 2006, 2017
© Издательство АСТ, 1976, 1993, 2006, 2017

Содержание

К двадцатилетию Lilja's Library: Вступление	6
Стивен Кинг. Синий компрессор: повествование об ужасе	8
Джек Кетчам, П. Д. Кейсек. Сеть	15
Стюарт О'Нэн. Роман о Холокосте	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сияние во тьме

SHINING IN THE DARK

Celebrating Twenty Years of Lilja's Library

Shining in the Dark © 2017 by Hans-Eke Lilja

THE NET / Copyright © 2006 by Jack Ketchum and P. D. Cacek

THE NOVEL OF THE HOLOCAUST / Copyright © 2006 by Stewart O'Nan

AELIANA / Copyright © 2017 by Bev Vincent

PIDGIN AND THERESA / Copyright © 1993 by Clive Barker

AN END TO ALL THINGS / Copyright © 2017 by Brian Keene

CEMETERY DANCE / Copyright © 2017 by Richard Chizmar

DRAWN TO THE FLAME / Copyright © 2017 by Kevin Quigley

THE COMPANION / Copyright © 1976 by Ramsey Campbell

A MOTHER'S LOVE / Copyright © 2017 by Brian James Freeman

THE KEEPER'S COMPANION Copyright © 2017 by John Ajvide Lindqvist

Cover Artwork and Design © 2017 by Vincent Chong

© А.Агеев, К. Воронцова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Всем читателям Lilja's Library.

Если бы не вы, этой книги никогда бы не случилось!

Стивену Кингу. Иду на новые двадцать лет. Надеюсь, вы тоже.

К двадцатилетию Lilja's Library: Вступление

Двадцать лет. Прочувствуйте это. Двадцать лет! Это очень долго. Что вы сделали за последние двадцать лет? Я женился. Завел двух прекрасных детей. Пожил в трех разных домах. И, что самое важное (по крайней мере, в контексте этой книги), все эти двадцать лет я вел сайт «Lilja's Library – Мир Стивена Кинга»¹. Я не обновлял его каждый день на протяжении этих двадцати лет, но старался держать читателей в курсе всего, что происходит в Королевстве Стива. И если я могу говорить за себя сам (а поскольку это моя книга, могу), я справлялся весьма неплохо.

И вот, когда до двадцатилетия оставалось около года, я начал думать, что его нужно отметить как-то особенно. Я просто не мог допустить, чтобы оно прошло незамеченным. Я поговорил об этом с Брайаном Фрименом из Cemetery Dance², и, кажется, это он предложил: «Почему бы не сделать антологию в честь сайта?» Ну, почему бы и нет, подумал я, но, чтобы все получилось, нужно было разрешение использовать рассказ Стивена Кинга. То есть ничего бы не вышло, если бы в книге к двадцатилетию сайта, посвященного Стивену Кингу, не оказалось рассказа от него самого, верно? Это было бы просто безумие.

Так, я решил заручиться разрешением использовать рассказ, и уже в середине июля получил добро на включение «Синего компрессора» – рассказа, который не публиковался ни в одном из сборников Стивена Кинга. Полагаю, вы можете вообразить, в каком я был восторге. А если не можете, то я вам скажу, что здесь не обошлось без прыжков, криков и безумного смеха. Заполучив эту историю, я мог заняться составлением всей антологии. После добычи «Синего компрессора» это дело казалось мне несложным. Боже, как я ошибался! Не поймите меня неправильно: мне все очень понравилось, но это был совершенно новый опыт, и я рад, что Брайан Фримен оказался рядом, чтобы помочь. Я понятия не имел, как оплачивается подобная работа. Понятия не имел, как заключать договоры с авторами. На самом деле я о многом не имел понятия, но справился со всем и, как я отметил, мне все крайне понравилось.

Также мне выпала возможность пообщаться с рядом крупнейших писателей. Я в самом деле общался непосредственно с большинством из тринадцати авторов (как удачно получилось, что их тринадцать, да?), которые оказались в этой антологии... и с некоторыми, которых не оказалось. С одними удалось связаться не сразу (это вам не просто погуглить их и найти электронный адрес или номер телефона), а другие ответили уже спустя несколько часов после моего имейла. Все, кто решил присоединиться, предоставили либо ранее изданный рассказ, либо совсем неопубликованный (это так потрясающе – первым читать совершенно новую работу). Шесть из двенадцати рассказов (да, один был написан в соавторстве, поэтому получилось тринадцать авторов и двенадцать рассказов) нигде прежде не выходили. Некоторые даже были написаны специально для этой антологии. А из тех шести, что выходили ранее, многие издавались только в журналах. Поэтому, скорее всего, большинство этих историй вы прочитаете здесь впервые. И от этого я просто в восторге.

Один рассказ даже был изначально написан на моем родном языке (шведском) – это «Компаньон Хранителя» Йона Айвиде Линдквиста. Его перевела³ Марлен Деларжи, а я оказался вовлечен Йоном в некоторые подробности относительно перевода, и это было очень волнующе. Я и представить не мог, что со мной будет советоваться величайший, по моему мнению, автор хоррора во всей Швеции.

---

¹ www.liljas-library.com. Здесь и далее – примечания переводчика.

² Ведущее американское хоррор-издательство, основанное Ричардом Чизмаром в 1988 г.

³ На английский язык.

Самый старый в этой книге – рассказ Эдгара Аллан По. Он написал «Сердце-обличитель» в 1843 году, более 170 лет назад. А самый новый – «Конец всему» Брайана Кина, который закончил его в середине апреля 2016 года. Антология включает страхи и ужасы тринадцати авторов. С одними я только-только познакомился, а другие знал уже двадцать лет. Одни – чистый ужас. От других вам станет не по себе. Третьи заставят задуматься. Четвертые заставят плакать, а пятые – смеяться. Надеюсь, они доставят вам удовольствие, и вы полюбите их все, как и я, а когда дочитаете... не забудете сказать: «Спокойной ночи!» своим домашним животным. Ведь никогда не знаешь, представится ли еще такая возможность...

Стивен Кинг. Синий компрессор: повествование об ужасе

Дом был высоким, с необыкновенной покатой крышей. Подходя к дому с прибрежной дороги, Джеральд Нейтли подумал, что тот – почти как отдельная страна, весь мир в миниатюре. Крыша опускалась и вздымалась под разными углами над главным зданием и двумя странно повернутыми крыльями; вдовья дорожка⁴ огибала обращенный к морю грибообразный купол; закрытое крыльцо, повернутое к дюнам и тусклым сентябрьским кустам, было длиннее пульмановского вагона⁵. Из-за высокого ската крыши казалось, будто дом насупился и нависает над Джеральдом. Дед-баптист, а не дом.

Джеральд подошел к крыльцу и, после краткого колебания, шагнул в сетчатую дверь, оказавшись перед еще одной, с веерообразным окном. За ним наблюдали только плетеное кресло, ржавые качели и старая брошенная корзина для вязания. Вверху в тенистых углах пряли шелка пауки. Он постучал.

В ответ – тишина, обитаемая тишина. Он уже собирался постучать снова, когда кресло где-то внутри издало хрип. Звук будто из глубины горла, усталый. И тишина. Затем раздалось медленное, ужасно медленное шарканье старых, придавленных тяжестью ног, ступающих по коридору. Контрапункт трости: цок... цок... цок...

Заскрипели, заскулили половицы. В окошке двери расцвела тень, огромная и бесформенная в стекле, усеянном жемчужными каплями. Бесконечный звук, с которым пальцы кропотливо решали загадку цепи, засова и накладного замка. Дверь открылась.

– Здравствуйте, – ровно произнес гнусавый голос. – Вы мистер Нейтли. Вы хотите снять коттедж. Коттедж моего мужа.

– Да, – подтвердил Джеральд, чувствуя, как язык распухает в горле. – Верно. А вы...

– Миссис Лейтон, – ответил гнусавый голос, довольный то ли его быстротой, то ли своим именем, хотя ни то, ни другое не было примечательным. – Меня зовут миссис Лейтон.

* * *

эта женщина чертовски огромная и старая выглядит как господи иисусе ситцевое платье она наверное под два метра ростом и боже она жирная как свинья я не могу долго выносить запах ее седых волос ее ноги как секвойи в том фильме танк она как танк она могла бы меня убить ее голос вне всякого контекста звучит как казу⁶ иисусе если я рассмеюсь нельзя смеяться ей может лет семьдесят боже как она ходит еще и трость у нее руки большие чем у меня ноги как чертов танк ее за дуб можно принять дуб ради всего святого.

* * *

– Вы писатель. – Она не пригласила его войти.

– Не то чтобы крупный, – ответил он и рассмеялся, чтобы скрыть внезапное смятение от метафоры.

---

⁴ Огороженная перилами площадка на крыше прибрежного дома. На таких жены моряков ожидали возвращения мужей из плаваний.

⁵ Большой спальный железнодорожный вагон. В 1867–1968 гг. такие вагоны выпускались компанией «Пульман», названной в честь ее основателя Джорджа Пульмана (1831–1897).

⁶ Американский народный духовой музыкальный инструмент.

– Покажете мне что-нибудь, когда разберете вещи? – спросила она. В ее, казалось, непрерывно сияющих глазах отражалось желание. Их не тронула старость, что буйствовала на остальном ее

* * *

так это надо записать образ:

«старость буйствовала в ней пышной тучностью: она походила на дикую свиноматку, запущенную в большой помпезный дом, чтобы нагадить на ковер, забодать кухонный буфет и шибить хрустальные кубки и бокалы, затоптать винного цвета диваны до безудержных выбросов пружин и набивки, пробить отполированную до зеркального блеска отделку пола в зале варварскими отпечатками копыт и разлетающимися лужицами мочи»

отлично есть история я вижу в ее теле, которое то обвисало, то раздавалось.

* * *

– Если хотите, – сказал он. – Я не увидел коттедж с Прибрежного шоссе, миссис Лейтон. Вы не подскажете, где...

– Вы приехали на машине?

– Да. Я там ее оставил. – Он указал за дюны, в сторону шоссе.

Ее губ коснулась странно одномерная улыбка.

– Поэтому и не увидели. С шоссе дом не разглядеть. Чтобы не пропустить, нужно идти пешком. – Она указала на запад, чуть в сторону от дома и дюн. – Там. Сразу за пригорком.

– Хорошо, – сказал он и остался на месте, просто улыбаясь. Он в самом деле понятия не имел, как закончить эту беседу.

– Не желаете зайти на кофе? Или вам кока-колы?

– Да, – ответил он мгновенно.

Она будто не ожидала от него мгновенного согласия. Все-таки он был другом ее мужа, а не ее собственным. Лицо нависло над Джеральдом, будто луна, безучастное, неопределившееся. Затем она провела его в старый дом, который ждал их.

Она пила чай. Он колу, и за ними словно наблюдали миллионы глаз. Он чувствовал себя грабителем, который охотится за скрытым сокровищем – историей, которую он мог с нее списать, вооруженный лишь обаянием молодости и фонариком интуиции.

* * *

Самого меня зовут, конечно, Стив Кинг, и вы простите мне вторжение в ваши мысли – надеюсь, что простите. Я мог бы доказать, что срывать условную завесу между читателем и автором позволительно, ведь я писатель – то есть, раз это мой рассказ, я делаю все, что заблагорассудится, – но это действие полностью игнорирует интересы читателя, а потому неприемлемо. Правило номер один для любого писателя гласит: рассказчик не стоит и пердежа по сравнению со слушателем. Так что оставим эту тему, если позволите. Я вторгаюсь по той же причине, по которой испражняется папа римский: мы оба не можем этого не делать.

Вам следует знать, что Джеральд Нейтли так и не попал на скамью подсудимых, его преступление не было раскрыто. Но он все равно заплатил. Написав четыре запутанных, монументальных

тальных, непонятых романа, он отрубил себе голову гильотиной из слоновой кости, которую купил в Коулуне⁷.

Я придумал его во время скучной лекции в классе Кэрролла Ф. Террелла, преподавателя английского в университете штата Мэн. Доктор Террелл в восемь утра рассказывал об Эдгаре А. По, а я думал

*гильотина из слоновой кости Коулун
чокнутая женщина из теней, свиноподобная
какой-то большой дом
Синий компрессор пока еще не появился.*

* * *

Он показал ей кое-что из своих работ. Не самое важное – не рассказ, который писал о ней, – а отрывки стихов, хребет романа, который уже год ныл у него в голове, будто застрявшая шрапнель, четыре наброска. Она была проникательным критиком и любила делать мелкие пометки черным фломастером. А поскольку она иногда заглядывала к нему, когда он уезжал в деревню, он прятал рассказ в чулане.

Сентябрь перетек в прохладный октябрь, и рассказ был завершен, отправлен почтой другу, возвращен с предложениями (плохими) и переписан. Ему казалось, что он хорош, но не совсем. Чего-то – чего именно, он затруднялся определить – не хватало. Фокус был слегка размыт. Он подумывал о том, чтобы обратиться к ней за советом, отбросил эту мысль, вернулся к ней снова. Все-таки история – это она; он ничуть не сомневался, что она сможет задать окончательный вектор.

Его отношение к ней становилось все более нездоровым; его очаровывала ее огромная анималистичная туша, медленный, черепаший шаг, которым она преодолевала расстояние между домом и коттеджем,

* * *

образ: «громадная тень разложения, колышущаяся на лишенном теней песке, трость в скрюченной руке, ноги в огромных парусиновых туфлях, что попирают и давят грубые песчинки, лицо как большое блюдо, пухлые руки из теста, груди-друмлины⁸, сама она как отдельный мир, горы и слои ткани»

* * *

ее пронзительный пресный голос; но в то же время он не мог ее терпеть, не выносил ее прикосновений. Он ощущал себя молодым человеком из «Сердца-обличителя» Эдгара А. По. Чувствовал, что может стоять под дверью ее спальни бесконечными ночами, светя одним лучом в ее спящий глаз, готовый наброситься и разорвать его в тот самый миг, когда он откроется.

Желание показать ей рассказ свербело, сводило с ума. К первому дню декабря он решил, что сделает это. Принятое решение не принесло облегчения, как обычно бывает в романах, но сработало как антисептик. Все так и должно было быть – альфа и омега, начало и конец. Пришла очередь омеги – он собирался выехать из коттеджа пятого декабря. Только что он вер-

---

⁷ Исторический район Гонконга.

⁸ Друмлины – низкие продолговатые холмы, по форме напоминающие перевернутую ложку.

нулся из «Стоу», туристического агентства в Портленде, где заказал путевку в Азию. Это произошло почти спонтанно: решение уехать и решение показать рукопись миссис Лейтон пришли вместе, будто его вела незримая рука.

* * *

Его и вправду вела незримая рука – моя.

* * *

Небо было затянуто белыми облаками, обещание снегопада держало день за горло. Дюны, казалось, уже дышали зимой, когда Джеральд пересекал их между ее владением, домом со сланцевой крышей, и своим низким каменным коттеджем. Угрюмое серое море курчавилось на галечном пляже. Чайки качались на волнах, как буи.

Он пересек верхушку последней дюны и понял, что она там: ее трость с белым велосипедным грипсом⁹ внизу стояла сбоку от двери. Из игрушечной трубы валил дым.

Джеральд поднялся по дощатым ступенькам, стряхнул песок с высоких ботинок, чтобы она его услышала, и вошел.

– Здравсьте, миссис Лейтон!

Однако и крошечная гостиная, и кухня оказались пусты. Корабельные часы на каминной полке тикали лишь для самих себя и для Джеральда. Гигантская меховая шуба миссис Лейтон лежала на кресле-качалке, будто парус из шкуры какого-то животного. В камине слабо горел огонь, вспыхивая и деловито потрескивая. В кухне на газовой плите стоял чайник, а на столешнице единственная чашка ждала, когда ее наполнят водой. Он выглянул в узкий коридор, который вел в спальню.

– Миссис Лейтон?

Ни в коридоре, ни в спальне никого не было.

Он уже хотел вернуться на кухню, когда раздалось громкое хихиканье. Мощный, лихорадочный смех, который нельзя сдержать, из тех, что стоят закупоренными на протяжении лет и веков, как вино. (У Эдгара А. По есть рассказ и о вине¹⁰.)

Хихиканье переросло в раскаты хохота. Они доносились из-за последней двери, которая находилась справа от кровати Джеральда. Из чулана для инструментов.

* * *

по яйцам побежали мурашки как в старшей школе старая сука она смеется она нашла его старая жирная сучища чтоб ее чтоб ее чтоб ее старая ты шлюха ты делаешь это потому что я отошел ты старая сучища шлюха кусок дерьма

* * *

Он одним шагом достиг двери и распахнул ее. Она сидела в чулане рядом с маленьким обогревателем, задрав платье над коленями, похожими на дубовые пни, – чтобы можно было скрестить ноги. И держала его рукопись, казавшуюся совсем крошечной в ее обрюзгших руках.

---

⁹ Грипсы – насадки на руль для лучшего сцепления рук велосипедиста и руля.

¹⁰ Имеется в виду рассказ «Бочонок амонтильядо».

Кругом ревел и грохотал ее смех. Джеральд Нейтли увидел перед глазами разноцветный взрыв. Она была слизняком, червем, гигантской ползучей тварью, которая эволюционировала в подвале тенистого домика у моря, темным жуком, принявшим гротескную человеческую форму.

В тусклом свете из окна, затянутого паутиной, ее лицо превратилось в луну, висящую над кладбищем, изрытую бесплодными кратерами глаз, с рваным разломом от землетрясения на месте рта.

– Не смейся, – скованно сказал Джеральд.

– О Джеральд, – проговорила она, не унимаясь. – Это такой плохой рассказ. Понимаю, почему у тебя псевдоним. Это... – Она утерла выступившие от смеха слезы. – Это омерзительно!

Он скованно двинулся к ней.

– Я у тебя вышла недостаточно большой, Джеральд. И это проблема. Я слишком велика для тебя. Может быть, По, или Достоевский, или Мелвилл... но не ты, Джеральд. Не ты. Не ты.

Она рассмеялась снова – огромными, невыносимыми взрывами звука.

– Прекрати смеяться, – скованно сказал Джеральд.

* * *

Чулан для инструментов, в стиле Золя:

Деревянные стены, сквозь которые пробивались редкие лучи света, окружали кроличьи ловушки, развешенные по углам; пару пыльных снегоступов с развязанными ремешками; ржавый обогреватель, мерцающий желтыми огоньками, похожими на кошачьи глаза; грабли; лопату; садовые ножницы; старый зеленый шланг, свернувшийся, как уж; четыре лысые покрышки, сложенные, будто пончики; ржавый винчестер без затвора; двуручную пилу; пыльный верстак с гвоздями, шурупами, болтами, шайбами, двумя молотками, рубанком, сломанным уровнем, разобранным карбюратором, когда-то сидевшем в кабриолете «Паккард» 1949 года; воздушный компрессор в четыре лошадиные силы, выкрашенный в синий электрик, воткнутый в удлинитель, тянувшийся в дом.

* * *

– Прекрати смеяться, – снова сказал Джеральд, но она продолжала раскачиваться, держа за живот, и рукопись трепыхалась от ее хриплого дыхания, будто белая птичка.

Его рука нашарила ржавый винчестер, и он рубанул ее им, будто топором.

* * *

Большинство рассказов в жанре хоррор имеют сексуальный подтекст.

Простите, что врываюсь с этой информацией, но чувствую, что должен расчистить путь для ужасного завершения этого произведения, которое (по крайней мере с точки зрения психологии) представляет собой ясную метафору моей боязни импотенции. Большой рот миссис Лейтон символизирует вагину, а шланг компрессора – пенис. Ее женская туша, огромная и подавляющая, – это мифическое воплощение сексуального страха, в той или иной степени живущего в каждом мужчине, – страха, что женщина поглотит его своей полостью.

В произведениях Эдгара А. По, Стивена Кинга, Джеральда Нейтли и других, кто прибегает именно к этой литературной форме, мы находим запертые комнаты, подполья, пустые особняки (все – символы утробы); сцены погребения заживо (сексуальная импотенция); мерт-

вых, восставших из могил (некрофилия); гротескных чудовищ или людей (выраженный страх полового акта); пытки и/или убийства (полноценная альтернатива полового акта).

Эти метафоры не всегда применимы, но постфрейдистскому читателю и автору следует принимать их во внимание, обращаясь к этому жанру.

Психопатология стала частью человеческого опыта.

* * *

Она издавала хриплые, бессмысленные звуки, пока он бешено озирался, ища инструмент; ее голова понуро повисла на толстом стебле шеи.

Он схватил шланг компрессора.

– Ладно, – сказал он хрипло. – Теперь ладно. Ладно.

* * *

сука жирная старая сука вот тебе недостаточно велик теперь довольна будешь больше будешь больше все равно

* * *

Он откинул ее голову за волосы и воткнул шланг в рот, в самую глотку. Она закричала, звук получился кошачьим.

* * *

Этот рассказ отчасти вдохновлен старым хоррор-комиксом издательства ЕС¹¹, который я купил в магазине в Лисбон-Фоллз¹². В одной истории муж и жена убили друг друга во взаимно ироничной (и блестящей) манере. Он был очень жирным, она – очень худой. Он засунул шланг компрессора ей в горло и надул до размеров дирижабля. А когда спускался по лестнице, на него упала ловушка, которую она соорудила, и расплющила его, сделав плоским как тень.

Любой писатель, который скажет вам, что никогда не занимался плагиатом, – лжец. Хороший писатель начинает с плохих, неправдоподобных идей и превращает их в комментарии к человеческой природе.

В хоррор-рассказе просто необходимо, чтобы гротеск был возведен в степень патологии.

* * *

Компрессор, включившись, засвистел и запыхтел. Шланг вылетел изо рта миссис Лейтон. Хихикая и бормоча, Джеральд запихал его обратно. Ее ноги барабанили и тарабанили по полу. Ее щеки и диафрагма стали ритмично набухать. Глаза выпучились и превратились в стеклянные шарики. Туловище начало раздаваться.

---

¹¹ ЕС Comics – американское комикс-издательство, существовавшее в 1944–1956 гг. Наиболее известно серией «Байки из склепа».

¹² Населенный пункт в штате Мэн.

* * *

вот тебе вот тебе ты грязная гнида достаточно велика да достаточно велика

* * *

Компрессор пыхтел и грохотал. Миссис Лейтон надувалась, как пляжный мяч. Ее легкие превратились в раздувшуюся иглобрюхую рыбу.

* * *

Изверги! Черти! Хватит притворяться! Вот! Вот! Это бьется его ужасное сердце!

* * *

Она взорвалась – вся, разом.

* * *

Сидя в жарком гостиничном номере в Бомбее, Джеральд переписывал рассказ, который начал в коттедже на другом конце света. Сначала он назвал его «Свинья». После некоторых раздумий переименовал в «Синий компрессор».

Он закончил его так, как ему хотелось. В финальной сцене, где жирную старуху убивают, у героя был не очень убедительный мотив, но он не считал это недостатком. В «Сердце-обличителе», самом изящном рассказе Эдгара А. По, вообще нет реального мотива для убийства старика, и так оно и должно быть. Дело не в мотиве.

* * *

Ближе к концу она стала совсем огромной; даже ее ноги раздулись вдвое больше обычного. А уже в самом конце язык высунулся изо рта, как свисток из фольги.

* * *

Покинув Бомбей, Джеральд Нейтли отправился в Гонконг, затем в Коулун. Гильотина из слоновой кости сразу привлекла его внимание.

* * *

Как автор, я вижу лишь одну правильную омегу этой истории – рассказать вам о том, как Джеральд Нейтли избавился от тела. Он вырвал половицы чулана, расчленил миссис Лейтон и закопал куски в песок.

Когда он сообщил в полицию, что ее нет уже неделю, тут же приехали местный пристав и представитель полиции штата. Джеральд спокойно принял их, даже предложил кофе. Он не слышал биения сердца, но ведь и беседовали они в большом доме.

На следующий день он улетел в сторону Бомбея, Гонконга и Коулун.

Джек Кетчам, П. Д. Кейсек. Сеть

06.05.2003, 23:22

Эндрю,

Поверить не могу, что из всех женщин в чате ты выбрал МЕНЯ!

06.05.2003, 23:31

Кассандра,

Ты шутишь? Мне многие нравились – Мугу, Чертовка. Но некоторые... хоспаде... когда уже Майя перестанет так задаваться? Или Овуляшка, если на то пошло. И скажи на милость, когда у Бабочки вырастет мозг?

Но, думаю, вполне очевидно, что мне хочется писать только тебе. Ты умная, смешная и, судя по тому, как ты на днях писала о детях, я знаю, что ты еще и заботливая. У тебя дети, кстати, есть? Эти чаты вообще странная штука. Можно неделями общаться с человеком и не знать его толком. Как бы то ни было, я рад, что ты приняла мое приглашение. С нетерпением жду ответа.

Всего наилучшего,

Эндрю

07.05.2003 22:01

Эндрю,

Нет, своих детей у меня нет... но хотелось бы. Когда-нибудь. Сейчас приходится довольствоваться тем, что я могу баловать племянников. Они совсем малыши, всего два и четыре, но я считаю, если не родной тете их баловать, то кому тогда?

И ты прав... иногда можно хоть месяцами переписываться и даже не представлять, кто это... или что это. И, забавно, но я чувствую, будто знаю о тебе больше, чем о некоторых людях, с кем я знакома много лет. Например, помнишь, вы с Человеком-тигром «сцепились» на тему опытов над животными и как он взбесился, когда ты сказал, что животные имеют такое же право жить без страха и боли, как и люди... и он послал тебя на три буквы. Ты тоже мог его послать, но не стал. Ты проявил себя джентльменом, и подозреваю, ты такой и есть, Эндрю... порядочный человек. Надеюсь на скорый ответ. Пока!

Кассандра

P.S.: Называй меня Кэсси... как все мои реальные друзья.:-)

P.P.S: Какая музыка тебе нравится? Я обожаю все из 80-х! Пока еще раз.

07.05.2003, 23:00

Кэсси,

Человек-тигр – придурок. Я не хотел говорить при всех, но раз здесь только мы с тобой, я чувствую себя свободнее. Если честно, он никогда мне особо не нравился. Он всегда казался... не знаю... будто то ли прячет что-то, то ли прячется за чем-то. Когда он «сцепился» со мной, он открылся максимально, насколько мог. Так что, может, я тогда чего-то этим добился:-) Кто знает?

Ты вообще планируешь туда вернуться? Я имею в виду в «Одиночат». Мне вот не очень хочется. Я бы лучше продолжил общаться с тобой, если ты не против.

Музыку? Любую. Разве что кроме тяжелняка и рэпа. 50-е, эра «Битлз», кантри – слушаю даже оперу и попсу, старую и современную. НУ ВОТ, Я ПРИЗНАЛСЯ! ПОПСУ! Надеюсь, это не будет стоить мне отношений:-) Но больше всего определенно люблю блюз. Могу слушать его ночи напролет. И неважно, какое у тебя настроение – весело тебе, грустно, все равно. Чем-то он меня цепляет. И всегда цеплял.

Пора идти. Нужно сменить кошачий лоток. Мой письменный стол с компьютером стоит в небольшой нише рядом с туалетом. Это что-то вроде гардеробной, которую я переделал в кабинет. Но когда Куджо сходит в лоток, тут все может провалиться. Одна из проблем Нью-Йорка в том, что нельзя выпускать животных на улицу. Там их в считанные минуты превратят в отбивную. А ты, наверное, не кошатница, да?

Оставайся на связи, хорошо?

Эндрю

P.S.: Спасибо, что назвала меня джентльменом. И порядочным. Постараюсь им быть.

Всего наилучшего,

Эндрю

07.05.2003, 23:20

Эндрю,

Я понимаю, что ты имеешь в виду насчет Человека-тигра. Он и правда будто что-то скрывал – помнишь, как он злился, когда с ним кто-то спорил? Он уже начинал меня пугать. Я то же самое чувствовала, когда Майя заговорила о... ну знаешь... она считала, это нормально – иметь столько парней, сколько хочется, если они не знают друг о друге. Я не считаю, что это нормально, и хотела ей об этом сказать... но не смогла. Как ты писал – не при всех. Наверное, я просто кое в чем старомодна... и поэтому вряд ли когда-нибудь вернусь в «Одинокат». К тому же теперь он мне и не нужен. Куда интереснее «чатиться» с тобой:-)

Я тоже ОБОЖАЮ попсу, так что с нашими отношениями все в порядке. <смущение> И мне очень нравится Блюз – особенно дождливыми ночами. Люблю приглушать музыку, чтобы казалось, будто дождь, который стучит в окно, это часть песни, тогда я просто ложусь и слушаю. Иногда я даже так засыпаю, и это так прекрасно.

БОЖЕЧКИ... Я ОБОЖАЮ кошек, и Куджо – прекрасное имя! (Только скажи, пожалуйста, что Куджо не такой же огромный, как собака в книге Стивена Кинга¹³! Если он/она такой, тебе стоит поторопиться! Фи-и!) У меня кошки были всю жизнь... но сейчас нет. Мой кот, Сержант Полосочки, умер на прошлый Хеллоуин. Я взяла его, когда ему было семь недель, и он прожил пятнадцать лет. Это было тяжело... до сих пор тяжело думать о нем, хочется плакать. Он был БОЛЬШИМ – весил больше двенадцати килограммов до болезни, рыжий, в полоску, с золотистыми глазами. Мне кажется, он считал себя собакой, потому что всюду бегал за мной и «вилял» хвостом... и спал со мной по ночам. Приятно было, когда он лежал рядом. Это тяжелее всего... спать одной. Я очень по нему скучаю.

---

¹³ Имеется в виду роман Стивена Кинга «Куджо».

Ух... что-то я загрустила. Прости.

Значит, ты живешь в Нью-Йорке. Это так круто! Мы почти соседи! Я живу в Пенсильвании, в небольшом городке, он называется Уорминстер – кажется, на языке ленни-ленапе (индейцев) это значит «Широкое пятно на дороге. Не моргай».

Мне тоже пора. Нужно переделать кучу бумажной работы. Обними Куджо за меня.

Кэсси

08.05.2003, 21:22

Кэсси,

На самом деле Куджо была самой мелкой в помете. Она раза в два меньше средней кошки. И знаешь что? Она тоже рыжая и в полоску, как и Сержант Полосочки, только глаза у нее зеленые. Как тебе? У нас есть еще кое-что общее!

Иногда грустить – это ничего. Я вот тоже грущу.

И нормально быть старомодной, особенно если это касается отношений. Последние мои отношения длились год, предыдущие – два года, еще предыдущие – три. О-о-о-ой, кажется, они становятся все короче! Но у меня всегда была только одна женщина. Даже здесь, в Нью-Йорке, где возможностей, думаю, предостаточно, я никогда не встречался больше чем с одной одновременно. Не верю ни во что другое.

Уорминстер, Пенсильвания. Я посмотрел по карте. Черт! Это совсем недалеко. Сколько туда ехать, часа два с половиной – три от Нью-Йорка? Забавно. В Сети никогда не знаешь, откуда тебе пишут, пока человек сам по какой-то причине этого не скажет. Ты могла бы жить в Лос-Анджелесе, Мичигане или на Аляске, прости господи! Соседи! Круто!

Если я слишком спешу, ты только скажи. Ничего страшного. Но мне интересно, как ты выглядишь. Я бы рассказал тебе, как выгляжу сам, но ты ведь назвала меня джентльменом, да? А джентльмены всегда пропускают леди вперед.

Всего наилучшего,

Эндрю

08.05.2003, 23:32

Дорогой Эндрю (надеюсь, ты не против «дорогого»... но это я тоже из «старомодности»...),

А я рада, что ты старомоден. Я почему-то знала, что ты такой. Мне жаль, что твои прошлые отношения заканчивались так скоро, но это лишь значит, что они были не те. Мне это тоже знакомо. Мои последние «серьезные» отношения продлились почти два года и... ну, скажем так, закончились не на радостной ноте. Он хотел того, к чему я была не готова...

Я нечасто хожу на свидания. Никогда не видела особой пользы в том, чтобы «встречаться» с кем-то. Может, это оттого, что я до сих пор не нашла джентльмена. До сих пор, то есть...

О-о-ой. Это было слишком поспешно, не так ли? <СМУЩЕНИЕ!>

Ладно, спрашиваешь, как я выгляжу... итак, первая подсказка: у нас с Куджо есть кое-что общее. Нет, я не рыжая и не в полоску! У меня зеленые глаза... но больше я пока ничего не скажу...:-)

Не знаю, как там у тебя, но здесь Весна, похоже, не знает, чего хочет в этом году. То за двадцать градусов, то десять и ДОЖДЬ, влажно. От влажности у меня волосы кудрявятся. О-о-ой! Теперь ты знаешь, что у меня есть волосы! Ладно, они каштановые с рыжими прядями. Раньше были очень длинные, в детстве аж до пояса, но они просто БЕСКОНЕЧНО сохли. Надеюсь, ты не разочарован тем, что теперь они короткие, летом кудрявятся, а все остальное время «лохматятся».

Ладно, я довольно высокая... вся из ног, как говорил мой отец. И до сих пор говорит, когда хочет смутить. Что не так уж сложно. <смущение>

Можно я тебе кое-что скажу? Я всегда оценивала красоту мужчины по поступкам, по тому, что он делает и как себя ведет. Внешность для меня не так важна, как то, что внутри. Но... теперь ТВОЯ очередь. Расскажи, каков собой Эндрю. Если хочешь, конечно. А пока надо идти... позже продолжим... обещаю.

ОО (обнимаю)

Кэсси

P.S.: До Нью-Йорка всего час сорок пять. Я проверяла по Map-Quest¹⁴.:-)

09.05.2003, 01:03

Дорогая Кэсси,

У меня тоже были длинные волосы – давно, во времена хиппи, – и обрезать я их по той же причине. Сушить их был тот еще геморрой... Мой рост 178, вес 63, волосы темные, я в довольно неплохой форме для своего возраста. Глаза слегка меняют цвет в зависимости от того, что на мне надето. В правах написано «голубые», но они варьируют от голубых и серых до янтарных.

До тебя всего час сорок пять? Кажется, я плохо посмотрел карту.

Расскажи мне еще. Твои родители живы? Мои оба умерли, мама уже давно, отец семь лет назад. Кажется, я упоминал в чате, что был единственным ребенком. Ты говорила, у тебя есть сестра. А еще кто-нибудь есть? Просто любопытно. С возрастом семья кажется мне все важнее – или, в моем случае, ее отсутствие. Не хочу вызвать этим жалость – просто это факт, с которым я живу. У меня есть тети, дяди, двоюродные братья и сестры, но я с ними не очень близок. Поэтому, наверное, так люблю кошек – они как суррогатная семья.:-)

Пиши поскорее, хорошо?

ХОХОХОХ Эндрю

09.05.2003, 18:34

Дорогой Эндрю,

У тебя глаза, наверное, удивительные, даже волшебные. Теперь и мне хочется, чтобы у меня были какие-нибудь другие вместо обычных зеленых. Я бы сказала, что они нефритово-зеленые, но не хочу врать.:-)

Есть еще кое-что... Я ненавижу рассказывать о себе, ты наверняка заметил это в «Одиночате», я обычно застенчива и довольно безынтересна, если присмотреться... но... ладно, подружки говорят, я «горяча» в купальнике. <СМУЩЕНИЕ!!!!!!!!!!>

Ладно, ты хотел узнать о моих родителях (до сих пор смущаюсь, кстати). Они оба живы и довольно активны. Мама сидела с нами дома, когда мы с

---

¹⁴ Картографический сервис, пользовавшийся наибольшей популярностью в конце 1990-х – начале 2000-х гг.

сестрой были маленькие, но недавно начала учиться! Хочет получить диплом учителя, и папа считает, это здорово. У папы, кстати, свое турагентство – и у нас было МНОГО классных отпусков! Через несколько дней мои родители поедут во «второй медовый месяц» – на Гавайи на неделю. Не знаю, куда себя девать, пока их не будет, – я ведь живу с ними (экономлю на аренде), – но уверена, что-нибудь придумаю.

Я понимаю, каково это – быть вдали от родных. Мы с сестрой, в общем, довольно разные. Я никогда бы не сказала этого ей в лицо, но мне кажется, она ставит карьеру (в недвижимости) выше детей, а я считаю, быть матерью – лучшая «работа», какая может быть у женщины. С другой стороны, то, что она постоянно занята, позволяет мне проводить больше времени с Мэнди и Джейми (моими племянниками), так что, я думаю, во всем есть свои плюсы. Вот как сегодня... поэтому мое письмо такое короткое – сестра попросила посидеть с детьми, и я планирую хорошенько их ПОБАЛОВАТЬ! Взяла напрокат «Корпорацию монстров», «Шрека» и МОИ любимые – «Котов-аристократов» и «Мурлыку»!

Тебе, наверное, такой киновечер кажется скучотищей, да? А какие ТВОИ любимые фильмы? Цвета? Книжки? Пытливые умы желают знать¹⁵. Обнимаю твою кошечку... и тебя.

х

Кэсси

09.05.2003, 19:10

Дорогая Кэсси,

Ваш киновечер совсем не кажется мне скучотищей. Мне кажется, здорово, что ты любишь детей. Любимые фильмы, книжки? Это непросто. С цветом легко – черный. Но с остальным непросто потому, что, хотя я зарабатываю тем, что пишу рекламные тексты (как внештатник), моя цель – стать настоящим писателем. Творить. Я пытаюсь уже лет пять, с тех пор как ушел с пятидневки в агентстве. Пока добился разве что кучи писем с отказами, но некоторые из них были весьма обнадеживающими. Дело в том, что я постоянно читаю и смотрю фильмы. Нужно иметь кругозор. Поэтому выбрать любимчиков почти невозможно. Сейчас читаю прекрасную книгу – «Остров проклятых» Денниса Лихейна, о двух детективах, которые расследуют побег из психбольницы. Позавчера опять брал напрокат «На исходе дня»¹⁶. Обожаю этот фильм. Он такой грустный. Но список можно продолжать и продолжать....

Живешь с родителями, значит? Боже, у вас, должно быть, чертовски хорошие отношения! Я помню, как не мог ДОЖДАТЬСЯ, когда съеду от своих и буду жить отдельно, лишь бы поскорее. Я знаю, при нынешних ценах многие молодые люди так живут, но для меня это точно был не вариант. Сколько тебе вообще? Если ты не против такого вопроса. Сейчас я рискну и скажу, что мне в ноябре исполнится сорок шесть – подозреваю, я прилично старше тебя. Надеюсь, это ничего между нами не изменит. Скажи, что это так!:-)

И раз я сегодня настроен рисковать, признаюсь еще кое в чем. Мы с тобой совершенно на одной волне, ты и я, относительно того, что важно в отношениях. Но длинные ноги, зеленые глаза, каштановые с рыжим волосы и

---

¹⁵ Слоган американского таблоида «Нэшнл Инквэйрер», использовавшийся в 1980-х гг. и ставший расхожей фразой.

¹⁶ Британо-американская экранизация одноименного романа Кадзуо Исикуро, вышедшая в 1993 г. Главные роли исполнили Энтони Хопкинс и Эмма Томпсон.

«горяча в купальнике»... Я начинаю мысленно тебя представлять. И вынужден признать: то, что я вижу, мне нравится.:~)

ХОХОХОХОХ Эндрю

10.05.2003, 01:05

Дорогой Эндрю...

Прости, что долго не отвечала, но вечер обернулся КАТАСТРОФЕЙ!
Моя любимая сестра не сказала мне, что Джейми заболел – скажем откровенно, что его, беднягу, «прорвало» с обеих сторон. Мне приходилось следить, чтобы Менди к нему не приближалась, а это трудно, потому что она **ОЧЕНЬ** любит своего старшего брата. Поэтому она начала плакать, и Джейми начал плакать... не стоит и говорить, что им было не до мультиков.:-(Я обессилена, но сумела не вырубиться, чтобы ответить тебе. Видишь, насколько ты для меня важен? <ха>

Черный – еще одна наша общая черта! Я его обожаю и стараюсь каждый день носить что-то черное (иногда этого не видно, но это так.) И **ОБОЖЕЧКИ!** Ты писатель! Я никогда не была знакома с настоящим писателем. Это так... здоровски (как говорят дети). Надеюсь, не будет слишком нахально, если я попрошу прислать мне рассказ? Я бы с удовольствием прочитала. Честно. Мне все равно нужно что-то почитать. Только что закончила книгу, которая тебе наверняка бы понравилась, – «Танец для Эмили» Питера Бигла. Это о мужчине, который возвращается из мертвых в теле своей кошки. Она прекрасна, заставила меня плакать в конце. Что тут сказать, я та еще ревушка. Люблю истории со сладко-горьким концом. Я смотрела «На исходе дня». И плакала.

А потом увидела Энтони Хопкинса в «Молчании ягнят». УУУУУУУХ!

Но сэ-эр (с сильным акцентом, как у красавицы-южанки с трепещущим веером), вам след'ет зна-ать, что спр'шивать ле-еди о ее вз'расте непр'личн. (Смушение, смущение.) Ну, скажем... что я-я... доста-аточн' взр'слая.

Ты правда меня **ВИДИШЬ?** Это забавно, но мне кажется, так и есть. Ты видишь меня **НАСТОЯЩУЮ**, поэтому я чувствую себя очень... особенной. Посмотри на меня прямо сейчас, когда я пишу это, в кровати, с ноутбуком... в очень короткой, очень **КРАСНОЙ** ночнушке.

Видишь меня?

Спокойной ночи и **ХОХОХОХОХОХ** в ответ.

Лю,

Кэсси

10.05.2003, 01:25

Дорогая Кэсси,

«Очень короткая, очень красная ночнушка?...» Уф! И ты думаешь, я теперь смогу **СПАТЬ?** <ха>

Закажу себе Бигла. Звучит интересно. И буду рад отправить тебе рассказ. Я как раз знаю какой. Он называется «Возвращение», тоже о кошке... и как ни странно – о призраке! Совпадений тут просто штабелями. Это реально удивительно. Слава богу, мы вышли из того чата сюда.

Иногда эти поздние письма кажутся почти сигналами бедствия, да? Будто печальные одинокие SOS, выпущенные в киберпространство. Но твои письма вовсе не такие. Они делают мой день, Кэсси. Правда.

Тоже лю, и

ХОХОХОХОХОХОХОХОХОХОХОХОХОХОХОХОХО

Эндрю

P.S.: Ой, забыл. Я не знаю твоего адреса. Кажется, меня немного занесло...

Эндрю

10.05.2003, 08:15

:-) Я совсем не думаю, что тебя занесло. Я думаю, ты чудесный. Знаю, мы знакомы не очень долго – и в чате, и вне его, – но уже чувствую с тобой такую связь, как ни с кем другим. Это не кажется тебе странным? Надеюсь, нет, потому что я хочу быть с тобой в этом честной.

Мой адрес: Норт-стрит-роуд, 119, Уорминстер, Пенсильвания, 18974. А ты мог бы прислать рассказ во вложении... и я бы прочла его позже. Намек, намек, НАМЕК. Асейчас мне нужно БЕЖАТЬ, а то ОПОЗДАЮ!

ХоХоХоХоХоХо

Кэсси

10.05.2003, 14:01

Дорогая Кэсси,

Ладно... (волнуясь) рассказ во вложении. Смею только надеяться, что ты окажешься любезнее некоторых редакторов.

Ты жаворонок, значит? А я вот сова. Даже НИ С КЕМ не разговариваю до десяти утра...

Ужасно мило с твоей стороны доверить мне свой адрес, зная меня только по «Одиночату» и этим электронным письмам. Многие женщины не доверили бы. Наверное, я делаю что-то правильно:-) А ты... ну, ты сказала, что я чудесный, и меня этим немного прибило, давно обо мне никто так не говорил, и я только хотел сказать... черт, даже не знаю, чего хотел... только это (ты не пугайся сейчас, хорошо?) Возможно, я немножко в тебя влюбляюсь. Совсем чуточку. Это нормально? Боже, мне лучше прерваться, прежде чем я засуну себе в рот ВСЮ ногу. Пока там только ступня.

С любовью,

Эндрю

10.05.2003, 16:00

Милый Эндрю,

Еще даже не открывала твой рассказ, но должна сначала отправить это – это более чем НОРМАЛЬНО, потому что мне кажется, что я... тоже в тебя влюбляюсь. И я правда тебе доверяю. Больше, чем кому-либо за очень долгое время.

Ладно. Просто НЕ МОГЛА этого не сказать. А теперь... к твоему рассказу. Напишу, как только прочту. Обещаю, обещаю, обещаю.

<целую>

Кэсси

10.05.2003, 17:15

Милый Эндрю,

О божечки!

Твой рассказ... за гранью прекрасного. Те редакторы, наверное, с ума сошли. Я заплакала, когда его дочитала, и плачу до сих пор. Но не пойми

неправильно... я плачу, потому что он такой КРАСИВЫЙ. Ты великолепен! Сначала я думала, он вернулся призраком ради своей девушки, а потом, когда поняла, что это из-за кошки... Эндрю, это было так трогательно. А когда девушка позвала парня из приюта, чтобы усыпить кошку...

Погоди минуту. Я опять плачу. Возьму еще салфеток.

Ладно, я вернулась.

Но потом... мне хотелось, чтобы призрак ее ударил, избил, сделал ЧТО-НИБУДЬ, лишь бы ее остановить. Потом я поняла, что все хорошо, что он был там ради своей кошки. Эндрю, ты тронул мое сердце и позволил наконец выплеснуть скорбь по Сержанту Полосочки. Спасибо тебе огромное. Мне понравился рассказ, Эндрю. Очень. Люблю тебя за то, что поделился им со мной.

Что тут еще сказать?

ХОХОХОХОХОХ

Кэсси

10.05.2003, 19:33

Боже, Кэсси...

Ты даже не представляешь, как много это для меня значит. Seriously. Я готовил ужин, которого хватит на несколько дней. Что-то обычное, понимаешь? Курицу с эстрагоном в винно-чесночном соусе. В общем, я дал ей немного пошкворчать, прежде чем приступить к рису со спаржей, и решил проверить почту – может, ты уже успела прочесть. И вот я потрясен твоим ответом. Причем не столько отзывом о моем творчестве, хотя никто раньше не называл меня блестящим, сколько тем, что я так глубоко тебя тронул, – ты почувствовала, что рассказ тебе немного помог. Это так приятно, важно и чудесно слышать.

И Кэсси? Знаешь что? Ты только что сказала, что любишь меня...

Я понимаю, ты имела в виду, что любишь из-за рассказа. Я это понимаю. Но как ты думаешь, возможно ли, чтобы двое влюбились – ПО-НАСТОЯЩЕМУ, – только переписываясь вот так? Ни разу не видясь? Никогда не касаясь друг друга и не целуясь? Никогда даже не общаясь по телефону? Мне это кажется таким странным, но... Это так здорово. Лучшее, что я чувствовал за многие годы.

Ох-ох. Куджо опять вырвало. Единственный недостаток у кошек – это комки шерсти. Хотя в последнее время это с ней случается довольно часто, черт возьми. Пойду-ка разберусь с этим. Но несмотря на комки, я сейчас улыбаюсь. Видишь? На мне большая и широкая улыбка.

Люблю тебя, Кэсси,

Эндрю

10.05.2003, 21:58

Милый Эндрю,

Дело не только в рассказе. И я правда думаю, что люди могут влюбляться, не прикасаясь и не видя друг друга. Думаю, мы тому доказательство. Я люблю тебя, Эндрю. Не за твои слова. Не за твой талант. Не за то, что ты блестящий. Тебя. Настоящего тебя. Твое сердце.

К тому же ого, ты умеешь готовить! Мама говорит, мне нужно найти мужчину, который умеет, потому что сама я едва способна вскипятить воду.

Единственное, что у нас НЕ общее, это чеснок. У меня на него аллергия. Ты ведь не станешь теперь думать обо мне хуже?:-)

Бедняжка Куджо. Надеюсь, с ее животиком скоро все будет хорошо. Шли ей мою любовь... как я шлю тебе свою.

Со всей любовью,

Кэсси

12.05.2003, 03:34

О, Кэсси, хотелось бы мне рассказать, насколько это для меня важно и какие чувства пробудило у меня твое последнее письмо. Но сейчас я думаю о том, что случилось кое-что ужасное – или вот-вот случится. Я не хочу об этом рассказывать и тревожить тебя, потому что, возможно, все еще обойдется и это окажется лишним. Но сейчас мне нужно заканчивать. Напишу, как только смогу.

Я тоже тебя люблю, Кэсси! Я тоже тебя люблю!

Э

12.05.2003, 08:05

Дорогой Эндрю,

В чем дело? Расскажи мне. Пожалуйста. Я люблю тебя, и это все, что имеет значение.

С любовью,

Кэсси

12.05.2003, 23:25

Эндрю? Что происходит? Напиши, прошу тебя. ПОЖАЛУЙСТА...

С любовью, Кэсси

13.05.2003, 08:10

Эндрю, что случилось? Ты не можешь мне сказать? Я что-то не то сказала? Пожалуйста, дай знать. Что бы там ни было, мы с этим справимся. Я точно знаю.

Я ПРАВДА тебя люблю.

Кэсси

15.05.2003, 00:45

Эндрю? Что я СДЕЛАЛА?

15.05.2003, 09:55

О боже, Кэсси, солнышко, прости, пожалуйста, что тебе пришлось все это пережить из-за меня. Поверить не могу, что был таким легкомысленным. Я даже не включал компьютер. Не мог себя заставить. Стоило написать тебе гораздо раньше. Лучше все объясню.

В пятницу вечером я писал дома текст по работе и услышал, что Куджо кашляет на кухне. Она никогда не издавала таких звуков, когда отхаркивала шерсть. Это был сухой кашель. Я пошел на кухню и увидел, что она на полу и кашель раздражает ее изнутри. Я подумал, что она задыхается. Я взял оливкового масла, которое давал ей, когда дело было в шерсти, но она от него отказалась.

Наконец, кашель затих, и она ушла к кладовой – там стоит коробка из-под книг, в которой она любит спать. Я вернулся к работе, хотя и встревожился,

но подумал, это одна из тех кошачьих болячек, которые быстро проходят. Но потом она отказалась есть. Я подумал, что это инфекция или вроде того, и продолжил наблюдать. Она вроде бы вела себя спокойно. Мурлыкала, когда я ее гладил. Но не выходила из кладовой. А потом, в два часа ночи, проснулась и опять закашляла, еще хуже. Вся выгнулась, на глазах выступили слезы, будто она не могла вдохнуть, представляешь? Я смочил полотенце теплой водой и вытер ей глаза, рот и нос и увидел, что у нее изо рта пошла пена. И это меня уже чертовски напугало. В общем, я посадил ее в переноску, вызвал такси и поехал в ветклинику. Там есть круглосуточная служба.

Ветеринар была новая, ужасно молодая, но очень добрая. Она видела, что мне не по себе. Поставила диагноз – острый респираторный дистресс, вколола «Кортизон», чтобы облегчить дыхание, и это помогло почти сразу. Я подождал, пока ее отнесут на рентген, а чуть позже доктор Моррис – так ее звали – вышла и показала мне негатоскоп. Легкие Куджо оказались все будто в каких-то пылинках, но на самом деле это были капельки влаги. Это выглядело, как на фотографии Млечного Пути, так их было много. ТАК ГУСТО, Кэсси. Я не на шутку за нее испугался.

Доктор Моррис сказала, что хочет сразу высушить легкие и ввести большую дозу антибиотиков, для этого ее нужно оставить на ночь для наблюдения. В худшем случае они могли вырубить ее и делать интубацию, пока антибиотики не подействуют. Я сказал, чтобы делали все, что нужно. Она сказала, это будет дорого, а я – что деньги меня не волнуют, не надо о них думать, сколько бы это ни стоило. К тому времени я уже был почти в слезах. Она сказала мне идти домой и поспать, и что позвонит мне, если будут изменения. Я ушел и написал тебе. То последнее письмо. Потом выпил полный стакан чистого скотча, и он сделал свое дело, вырубил меня, и я уснул.

Мне позвонили без пятнадцати пять. Почти на рассвете. Сказали, Куджо быстро угасает, и спросили, как поступить? Я сказал продержаться, пока не приеду, если это возможно. Я успел как раз чтобы ощутить ее последний вздох, последний удар сердца. Ее раскрытые глаза смотрели на меня, но не видели. Я прижался лицом к ее шее и долго плакал.

Я и сейчас плачу.

Понимаешь, почему я не мог тебе написать, Кэсси? Жаль, я не мог тебе позвонить. Можно я тебе позвоню? Мне нужно поговорить с кем-то, не то сойду с ума, потому что единственного создания, с кем я мог говорить – кроме тебя, – больше нет.

С любовью,

Эндрю

15.05.2003, 21:25

О боже, Эндрю... только что получила сообщение. Я тоже плачу. Не могу сейчас разговаривать. И не могу больше писать. Дай мне минутку, и я напишу. Я обещаю. Обеща

15.05.2003, 23:20

Моя любовь.

Я сказала, что напишу через минутку – и вот я пишу, спустя почти два часа. Прости, что не смогла вернуться к тебе раньше, но... твоя потеря, твоя ужасная потеря всколыхнула все воспоминания о Сержанте Полосочки, и я будто сама пережила все это. Боже, звучит так эгоистично... Ненавижу себя

за то, что так тебя подвожу. Но прошу, не злись на меня, я этого не вынесу. Я вернулась, и теперь здесь, с тобой. Если ты еще хочешь со мной быть...

Эндрю, мой любимый Эндрю, мне так жаль Куджо. Только и могу сказать, как мне жаль и как мне хотелось бы обнять тебя и утешить прямо сейчас... Хочу обнять тебя, Эндрю, чтобы ты дал волю слезам и всей скорби, которую чувствуешь. Меня никто не обнимал, когда умер Сержант П. Я пряталась в своей комнате... как сейчас... и тихо плакала... как сейчас.

Но я ОБНИМАЮ тебя, Эндрю, ты чувствуешь, как я прижимаю тебя к себе? Надеюсь, что да, очень надеюсь. Потому что я люблю тебя и хочу помочь с этим справиться. И мне хочется позвонить... но мой тупой папа все еще на телефоне... делает последние «приготовления к отпуску», которые ОБЯЗАТЕЛЬНО нужно делать ИМЕННО СЕЙЧАС! Боже! Жаль, у меня нет своего жилья, потому что если бы я говорила сейчас с тобой по телефону... я попросила бы тебя приехать сюда, ко мне, оказаться рядом, чтобы я смогла разделить то, что ты чувствуешь.

И может быть, ты сможешь. Мои родители уезжают завтра, Эндрю... и может быть, к утру тебе станет немного лучше – не слишком, я знаю, но чуть-чуть. И если так, то почему бы тебе не подумать об этом? Ты говорил, я тебе нужна. И ты мне тоже нужен, Эндрю. Хочу помочь тебе с этим справиться, потому что Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Я люблю тебя, Эндрю. И хочу обнять тебя прямо сейчас.

А что еще я могу сделать?

С любовью, как всегда,

Кэсси

P.S.: Ты назвал меня солнышком.

15.05.2003, 23:25

Кэсси,

Когда они уезжают? Я ЗА. Боже, да!

ХОХОХОХОХОХ

Э.

15.05.2003, 23:28

Любовь моя,

Они уезжают завтра после обеда. Я буду здесь. Весь дом в моем распоряжении. Прошу, приезжай... пожалуйста.

ХО

Со всей моей любовью,

Кэсси

ИЗ ДНЕВНИКА ЭНДРЮ СКАЯ:

Лучше бы она прислала мне номер телефона. Интересно, почему не стала присылать? Может, боялась, что я в последний момент струшу. Что ж, так и есть. Может, она это предвидела.

Очень тянет не приезжать.

Чтобы добраться до темноты, нужно выезжать где-то через час. Не позже. Я целый день это оттягивал, с самого утра все смотрю в зеркало, делаю все, что обычно, бреюсь, чищу зубы, смотрю на то же лицо, которое вижу каждый день. И в первый раз оно показалось мне

каким-то жестким, будто на нем слишком мало морщин от улыбок и слишком много – от того, что хмурюсь.

Что она во мне может увидеть?

Я проснулся весь в волнении, но уже час спустя был подавлен и встревожен, и в таком состоянии пробыл весь день. Сходил закупиться в «Фуд Эмпориум». Откорректировал текст для колледжа Ионы, который нужно было отправить до вторника. Ответил на несколько электронных писем – надеясь, что там будет и письмо Кэсси, которая скажет: пожалуйста, не приезжай, это ошибка, я не готова. Но его там не оказалось.

Не готовым оказался я.

Я ее еще не видел, а уже думаю, что потерял ее.

Ну что за размазня, а?

Думаю о Лоре и обо всех надеждах, которые возлагал, и у меня до сих пор сводит живот и хочется что-нибудь разбить. Черт, я тогда и в самом деле много чего разбил – половину посуды в раковине, лампу у кровати, – и получил за это только счета за их замену. Что мне нужно было заменить, так это саму Лору. Но заменить Лору было невозможно. Никак.

Я не мог заменить чувство, когда она спит рядом со мной в постели или когда я иду по улице, приобняв ее за талию, мою женищницу, которая была красивее и успешнее, чем, как я считал, способен привлечь парень вроде меня, но которая говорила, что она моя, а я ее, и заставила пообещать, что я всегда буду ее, вопреки всему. Я помню, как, смеясь, ответил: а чьим еще я могу быть?

И это была правда. Чьим еще?

Ничьим. Ни до, ни после.

Ни одна живая душа не касалась меня после Лоры.

Пока не появилась Кэсси.

Я даже не знаю толком, зачем полез в тот дурацкий чат.

Кажется, на самом деле я искал порночат. Или, может быть, разогревался перед ним. Я посмотрел много порно за это время. Еще один дурацкий способ сбегать. Так что вполне возможно, что в тот день я набирался храбрости, чтобы войти в порночат. Хотел хоть какого-то подобия удовольствия. Может, когда-нибудь я пролистаю эти страницы и посмотрю, нашел ли я его здесь.

Хотя это и неважно.

Но больше года я чувствовал себя твердым, как чертова стена. Даже тверже. Думаю, таким образом я пытался справиться. Перетерпеть. Тех немногих друзей, которые у меня оставались и которых проклятая Лора не забрала с собой, я оттолкнул и продолжал отталкивать, отказывался с ними встречаться. Оправдывался тем, что точно знаю: я стал чертовым занудой, таким же, как чертовы тексты, которыми зарабатываю на жизнь, и чертов город, где я живу и где уже нельзя даже покурить в баре. А быть занудой я не хочу. Во мне еще осталась какая-никакая гордость.

Вместо друзей я стал общаться с кошкой. Куджо меня занудой не сочла бы.

Но не будь в этом здании такой хорошей звукоизоляции, соседи давно бы меня закрыли. Я орал и кричал. Рыдал. Выл на луну.

Куджо было все равно.

Куджо была непоколебима.

Она могла вылечить любую боль своим мурлыканьем. Хотя бы на некоторое время.

Без нее одиночество меня убивает. Я в городе, где живет... сколько миллионов людей? И никогда не чувствовал себя таким одиноким и отрезанным от мира. С таким же успехом я мог быть сумасшедшим отшельником где-нибудь в лесах Мэна.

Чья в этом вина? Моя, конечно.

Лора ушла не просто так. Она ушла по той же причине, по которой я почти не могу работать – не могу заниматься ничем, кроме той деятельности, которую веду внешне.

У меня за всю жизнь не было такого начальника, которому я хоть раз не нахамил бы. Я потерял больше работ, чем в моем телеке кабельных каналов. У меня проблема со старшими, имеющими надо мной власть. Когда вместо этого дневника я мог позволить себе психотерапевта, мы с Марти много это обсуждали. Проследили весь путь до моих родителей и нашли, в чем дело. Это очень много мне дало.

Но у Лоры была надо мной власть. Такая власть, какая может быть только у женщины. Большие власти, чем следовало ей давать. Это я сейчас понимаю. Еще и этот мой характер. Половину времени мы дрались, как кошка с собакой.

Но это все есть здесь, в этом дневнике.

Знаю, я ожидал от нее слишком многого. Ожидал, что она поймет: несмотря на все те письма с отказами, я писатель, серьезный писатель, с писательской чувствительностью и с писательской душой. Я ожидал поддержки. Ожидал спокойствия и мягкости. От нью-йоркской сучки, которая здесь родилась и выросла, поднялась по карьерной лестнице вдоль Мэдисон-авеню, и родители оставили ей – о, всего лишь полтора миллиона!

Я, наверное, был вообще не в своем уме.

Нужно помнить, что ожидать слишком многого от Кэсси нельзя. Во всяком случае сразу. Она может быть страшной, это раз. Несмотря на все эти «длинные ноги, зеленые глаза, горячая в купальнике». Зеленые глаза еще ведь не говорят за все лицо, так? Но почему-то мне кажется, ее внешность не будет иметь такого уж значения. Она первая за долгое время, кто так мной увлекся, кому я так безразличен. И мне почему-то кажется, она из тех, кого можно назвать «настоящей женщиной». С настоящей женской мудростью. Не как Лора, которая оказалась избалованной девчонкой. Которая не смогла смириться с настоящим Эндрю Скаем, с редкими приступами гнева и тому подобным.

Вынужден признать, мне немного страшно.

Тут еще все впереди.

Может стать, что Кэсси – моя последняя надежда на настоящее счастье в этой жизни. Это возможно.

Все-таки я не молодею. Я много курю и, наверное, много пью. У меня всего двадцать пять штук в банке. Я не урод, но и не Том Круз, черт побери.

Но я для нее важен. Я вижу это по ее письмам. Так что есть основания надеяться, что моя внешность и все остальное не будет для нее иметь большее значение, чем для меня. Иногда кажется, она заглядывает мне прямо в душу. Удивительное чувство. Возможно, сейчас я поеду навстречу своему будущему. Я боюсь, но черт возьми, я в восторге. Сейчас, когда я написал это, мне стало легче... но черт! Это заняло целый час!

Боже! Мне пора. Нужно отправляться в путь.

ИЗ ДНЕВНИКА КЭССИ ХОГАН

Он едет! Эндрю правда едет, чтобы увидеть меня! МЕНЯ!! Я так волнуюсь. Не могу спать... Мне просто нужно было вылезти из постели и записать это, иначе меня разорвет!!!

Мама весь вечер бесилась. Сначала накричала на меня из-за уроков... как будто мне далась зачем-то эта геометрия... потом заявила, что «договорилась», чтобы я пожила с тетей Кей, пока они будут на Гавайях! Ну уж нет.

Кем она меня считает? Младенцем?

Ненавижу ее! Она пожалеет, когда они вернутся и узнают, что я ушла, чтобы быть с Эндрю. Я им даже записки не оставляю. Пусть гадают, что со мной случилось.

Нет. Не могу так поступить с папочкой. Я оставляю им записку и расскажу правду. Что я люблю Эндрю, мы поженимся и будем жить долго и счастливо, и пусть они обо мне больше не беспокоятся. Я большая девочка. Нет... я ЖЕНЩИНА.

Я женищина Эндрю. А он мой мужчина. Моя любовь. Мой любовник.

Интересно, он захочет заняться «этим», когда сюда придет? Если да, то ничего страшного... я нашла несколько этих штук в папином столике и взяла одну. Резинку. А мама думает, я слишком мала, чтобы оставаться одна! Так вот, я достаточно взрослая, чтобы знать про резинки, да?

Интересно, одной хватит?

Хезер ПРОСТО обзавидуется!!! Она думает, она такая горячая, раз встречается с тем придурком из младшего колледжа... но ЕМУ всего девятнадцать, а Эндрю уже за сорок. Он НАСТОЯЩИЙ мужчина! И он мой. Он любит меня... он сам сказал. А я люблю его!

И он правда едет!

Боже, я так волнуюсь. Вот бы только выглядеть получше!!! Я пыталась уговорить маму, чтобы свозила меня в торговый центр и я там подстриглась... НЕНАВИЖУ свои волосы... но она не захотела. Сказала, у нее слишком много дел, а мои волосы и так нормально выглядят. Вот СУКА! Я хотела, чтобы мои волосы были идеальны для Эндрю, но так они просто... УФФ!

Но я знаю, с лицом у меня все будет хорошо. Я взяла у Суки маску и скраб и прошла по дурацким прыщам на подбородке. Теперь они все покраснели, но к утру, думаю, пройдет. А если нет, я погибну! Убью себя, если нет! Потому что Эндрю заслуживает лучшего... и хочу быть для него самой лучшей. Я люблю его! А он любит меня! Но я все равно предпочту умереть, если прыщи не пройдут!!!

Но вообще я знаю, ему не будет дела до моих волос или кожи. Он любит меня. Настоящую меня, внутри. Так же, как я люблю его.

Я собираюсь его УДИВИТЬ! Когда он откроет дверь, я встречу его в красной ночнушке! Это его точно ОБРАДУЕТ!

Сделаю что угодно, чтобы он стал счастливым, потому что я люблю его и еще у него умерла кошка.

Может быть, после ЭТОГО мы пойдем в зоомагазин и купим котенка. Мне бы ОЧЕНЬ этого хотелось!

Боже, я так нервничаю. Не знаю, смогу ли уснуть, но нужно. НУЖНО, чтобы хорошо выглядеть для Эндрю. Споки ноки, Дорогой Дневник. Расскажу тебе обо всем завтра... когда ко мне придет Эндрю!

СТЕНОГРАММА ДОПРОСА ЭНДРЮ ДЖ. СКАЯ, ПРОЖИВАЮЩЕГО ПО АДРЕСУ: ЗАПАДНАЯ 73-Я УЛИЦА, 233, НЬЮ-ЙОРК. ПРОВОДИЛ: ЛЕЙТЕНАНТ ДОНАЛЬД СЕБАЛЬД, ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ УОРМИНСТЕРА, 16.05.03

СКАЙ: В общем, я опоздал, потому что эта чертова шина лопнула, и дорога, которая должна была занять... сколько, полтора часа? – заняла примерно два с половиной. Поэтому я разнервничался, так? Разнервничался, потому что должен был встретиться с ней и потому что опаздывал, потому что я весь грязный из-за того, что менял шину. Но как бы то ни было, я наконец нашел ее дом в темноте, позвонил, и она вышла открыть в этой...

СЕБАЛЬД: Красной ночнушке.

СКАЙ: Да, и знаете, она не так много оставила для воображения, и она правда симпатичная, чертовски, но было сразу видно: она мне не обрадовалась. Я имею в виду, не было объятий, поцелуев или чего-то, как в тех письмах. Она вся хмурилась, но будь я проклят, если понимал почему. Я не такой уж урод и не такой уж грязный, да и одет нормально. В общем, она пригласила меня войти и спросила, не хочу ли я выпить, и я ответил, что пиво бы не помешало,

и заговорил о квартире, спросил, можно ли где-нибудь помыться, она показала, где ванная, и я пошел. Когда я вышел, она немного повеселела, открыла мне пиво, а себе пепси. Мы уселись на диван в гостиной, только она с одного края, я с другого, и я гадаю: с чего такой мороз? От этого я только сильнее занервничал, и решил: лучше прямо ее спросить, что я и сделал.

СЕБАЛЬД: О чем вы ее спросили, конкретно?

СКАЙ: Я спросил ее, что не так. Она сказала, что прождала меня целый день. Как будто мы назначили четкое время.

СЕБАЛЬД: А вы не назначали?

СКАЙ: Нет, ничего такого. Я не знаю, чего она ожидала – что я приеду с самого утра или вроде того? И я сказал ей это. Что мне очень жаль, но это было всего лишь недоразумение, потому что мы в самом деле не назначали времени, но мне очень-очень жаль. И вот тогда она мне сказала, что даже не пошла сегодня в школу, осталась дома ждать меня, и тогда я на нее посмотрел. То есть хорошо так пригляделся. Внимательно, понимаете? Наверное, я просто боялся делать это до этого. Наверное, слишком перенервничал сначала, а потом еще этот мороз. Плюс ее ночнушка. Но как бы там ни было, я посмотрел на нее и понял, что на ее лице едва ли есть морщины. Едва ли хоть одна. Я имею в виду, я знаю, что она была молода, это было сразу видно. Но я подумал, она, наверное, имеет в виду колледж. Пропустила занятия, потому что ждала меня, и мне стало правда неловко, и я сказал ей, но господи! Потом она вдруг заплакалась! Поверить не могу! А я почувствовал, не знаю, почувствовал, что, видимо, опять все похерил. Просто своим опозданием. Пусть и не опаздывал. Если серьезно. Но потом она встала и сказала: «Идем, кое-что покажу», и я встал, пошел за ней, она привела меня в спальню.

СЕБАЛЬД: Она вас привела? По собственной воле? Вы это хотите сказать?

СКАЙ: Да. Конечно, это по ее воле. И первое, что я заметил, – первое, что любой бы заметил, – что это была спальня, так? И я уже в замешательстве. Я имею в виду, мы только что впервые встретились, она вся в слезах, и привела меня в долбаную спальню! Где стоит кровать, все эти постеры на стене, рок-звезды, актеры и все на свете, и ее стол с компьютером. И вот я увидел все это. Оценил. Но ее не интересовало, чем я занят. Она указала на пол рядом с кроватью, а там у нее два чемодана, и она говорит: «Посмотри сюда». Я спросил: «Чемоданы?» А она: «Я собиралась сегодня с тобой сбежать». Понимаете? Что-то в этом роде, я точно не помню, потому что уже едва ее слушал. Как будто до меня стало доходить. И я начал въезжать.

СЕБАЛЬД: Во что въезжать?

СКАЙ: Постеры, чертовы флаги на стенах. Плюшевые мишки на полках над столом. Фотографии на зеркале. Она ребенок! Ребенок, нахрен! И я спросил ее. Взял себя в руки и спросил: «Кэсси, сколько тебе лет?» Она ответила что-то в духе: «Достаточно» и заплакала, по-настоящему, но мне теперь было без разницы, я делал все, чтобы сохранять спокойствие, чтобы спросить еще раз, и спросил: «Сколько тебе лет, нахрен, Кэсси?» И она ответила: «Пятнадцать». Вот так запросто. Пятнадцать! Типа, с вызовом. Вы можете в это поверить? Она малолетка. И все это время меня дурачила! Водила за нос! Я могу показать вам чертовы электронные письма, ради бога! И она еще хочет со мной сбежать! Она вообще тронулась? Черт! Дерьмо!

СЕБАЛЬД: Сохраняйте спокойствие, мистер Скай. Если не хотите снова надеть наручники. Просто расскажите, что случилось дальше.

СКАЙ: Простите. Извините. Я просто... неважно. Я просто... боже, кажется, в тот момент я сорвался, понимаете? Вzbесился, наверное. Схватил ее и залепил пощечину, сказал, что о ней думаю, назвал тупой мелкой сучкой, и она заплакала. Я помню, как схватил ее за руку и швырнул через кровать с такой силой, что она пролетела и упала на пол с другой стороны. А потом я разнес комнату.

СЕБАЛЬД: Разнесли комнату. Будьте точнее, пожалуйста, для протокола.

СКАЙ: Сорвал те постеры, знамена, разбил кулаком зеркало, отсюда эти порезы, вышиб ногой зеркало на двери, сбросил всю косметику и всю ту хрень, которая была у нее на столике, и кукол с мишками с полки, порвал книги, бумаги, все-все. (Пауза.)

СЕБАЛЬД: Продолжайте, мистер Скай. А где она была все это время?

СКАЙ: Она встала. Потом стояла по другую сторону кровати и кричала, чтобы я остановился. У нее был небольшой порез на лбу, и я помню, у нее все лицо было в разводах и все раскраснелось, она плакала. Но она оставалась на месте и кричала на меня. Ровно до тех пор, пока я не направился к компьютеру. Это был тот компьютер, полагаю, который ко всему этому нас привел. Он был нашей связью, понимаете? Для меня это означало одно. Для нее, думаю, другое. Но это была наша связь. Как тотем. Она бросилась на меня, когда я оторвал шнур от мышки.

СЕБАЛЬД: Вы говорите, она на вас бросилась?

СКАЙ: Я думаю, она пыталась защитить компьютер. Она все называла меня ублюдком. А я не ублюдок. Я был в нее влюблен. В любом случае, прежде чем она успела обогнуть кровать, я ударил ногой по принтеру, и к тому времени, когда она до меня именно добралась, я уже отодрал клавиатуру, замахнулся и ударил ее ею сбоку по голове.

СЕБАЛЬД: Слева или справа?

СКАЙ: Что? А, слева, над ухом. И она упала. На пол возле изножья кровати, понимаете? Она оказалась на коленях, с руками на кровати, с нее немного капала кровь на кровать, ноги она подогнула под себя.

СЕБАЛЬД: Она еще была жива?

СКАЙ: О да, она была жива. Но уже на меня не кричала. Просто сидела и смотрела на меня, как на собачье дерьмо, будто я был самым низким существом, что она видела в жизни. И будто еще меня боялась, понимаете? И то и другое сразу. Я видел такое только раз, на другом лице, эту комбинацию, как вы бы, наверное, сказали. На лице моей бывшей. Моей девушки Лоры. Она меня боялась и в то же время испытывала отвращение. Вот тогда я вырвал монитор и применил к ней. (Пауза.)

СЕБАЛЬД: Мистер Скай?

СКАЙ: Она любила тот компьютер. Так что поверьте мне, это было нелегко.

Стюарт О'Нэн. Роман о Холокосте

Роман о Холокосте – уже скоро! О да – вживую, вживую! УЗРИТЕ чудо двадцатого века, искателя душ, выжившего в последней битве между добром и злом! УСЛЫШЬТЕ его жалостливую историю о пытках и унижениях! ТРЕПЕЩИТЕ перед дикими, нечеловеческими деяниями его пленителей! Да, скоро он будет здесь, только одно большое представление, на лугу у реки уже ставят шатер для дивертисмента. Детишки целый день гоняют на великах по мосту и толкаются, чтобы заглянуть под брезент. Приходите стар и млад!

Нет, все не так плохо, думает Роман о Холокосте. Но почти. Его выбрала Опра¹⁷, достала, позвала, и вот он грядет. Он выходит из своей лондонской квартирки, пока над Лестер-сквер еще висит туман, пропитывая влагой статуи, и голуби клюют его новые туфли, купленные специально для этой поездки. Теперь у него есть деньги, есть известное имя (пусть и не лицо). Он садится в такси до Гатвика¹⁸ и останавливается в дьюти-фри, где пара бутылок скотча становятся для него прощальными подарками.

Роман о Холокосте всегда понимал иронию. Он усмехается буквально всему на свете, однако ничто не веселит его сверх меры. Роман о Холокосте сдержан и хорошо одет. Если он будет громко смеяться, люди станут оборачиваться и пялиться на него, как на поехавшую старушку. Прохаживаясь по аэропорту, Роман о Холокосте разговаривает сам с собой, вспоминая витрины магазинов и округлые, рычащие автобусы, письма аккуратным почерком... время, что прошло, пока он просыпался, забывая о своих детских потерях. Теперь благодаря им он прославился. Ожидая у выхода приглашения на посадку, он перестает разглядывать свои картинки в уме, вспоминает последние события и смотрит на свои руки, думает, стоит ли эта поездка того. Он привык к спокойной жизни, его отношение к миру скрыто в тексте. Перелет заставляет его нервничать, и когда Роман о Холокосте идет в туалет, он, опасаясь микробов, моет руки до и после.

Конечно, Роман о Холокосте склонен к ностальгии и меланхолии, он лишается дара речи от того, сколько семей разлучаются, когда садится самолет. Дети цепляются за шеи матерей и кричат, пока бабушки и дедушки не оттащат их и не заставят помахать на прощание. Роман о Холокосте этого не одобряет.

Первый класс для него в новинку – знак того, как поднялись ставки – совершенно необъяснимо, в результате пары телефонных звонков. Как в Голливуде, думает он; вчера – старлетка, сегодня – звезда. Экран в передней части салона показывает плавную дугу их маршрута, скорость и температуру за бортом (минус пятьсот). Часы до Нью-Йорка тикают, будто бомба. Роман о Холокосте не может спать в своем кресле, он резко просыпается, когда его охватывает дремота, и он заваливается лицом вперед.

Роман о Холокосте вырос на острове со скалистым побережьем, хижинами и козами, которые звенели колокольчиками, пробираясь по крутым тропинкам. Селяне были просты и мудры, как грязь. До сих пор они считали Роман о Холокосте провальным – ребенком, который слишком много знал и слишком мало сделал.

У Романа о Холокосте нет ни братьев, ни сестер, ни жены, ни мужа, ни детей – только любовники, да и те непостоянны, задерживаются с ним всего на неделю по пути в Грецию или на Ближний Восток. Они считают Роман о Холокосте безвредным и немного устаревшим, добросердечным, но едва ли обаятельным, а самоотверженность, которую он внушает, – вялой. Друг, говорят они: «Я у друга». Роман о Холокосте готовит им завтрак и провожает до такси

¹⁷ Опра Уинфри (р. 1954) – американская телеведущая, актриса, продюсер. Наиболее известная по ток-шоу «Шоу Опри Уинфри» (1986–2011).

¹⁸ Аэропорт под Лондоном.

под дождем. Он несет зонт, придерживает дверь, сухо целует через открытое окно машины, затем поднимается обратно в квартиру, серую в утреннем свете, с шипящими батареями. У Романа о Холокосте в распоряжении целый день и никаких планов.

Иногда Роман о Холокосте ходит по музеям, надеясь встретить там людей. Иногда целую неделю не выходит из квартиры, читает газеты от корки до корки, включает ВВС 3¹⁹ и лежит на диване, смотрит Антониони²⁰, засыпает. Иногда закрывает глаза в ванне и погружается под воду, его тонкие волосы вздымаются, будто водоросли, и Роман о Холокосте воображает, что над поверхностью таится рука незнакомца, которая только и ждет, чтобы снова надавить на него сверху.

Может быть, слава сделает Роман о Холокосте другим. Деньги не важны, но, возможно, теперь на него иначе посмотрят люди. Будут письма поклонников, наверное, или даже сами поклонники начнут звонить в дверь – студентки и психи, привлеченные полемикой, ворчливые ученые, готовые спорить по неясным вопросам.

Герой Романа о Холокосте – подросток по имени Франц Игнац. Франц Игнац вырос в городе, где нет ни коз, ни грязи, а родители считают его чудом. Франц Игнац – музыкальное дарование, с четырех лет на скрипке, непревзойденный исполнитель Мошелеса²¹ и Мендельсона²². В дрожащем свете свечей в подвале конспиративной квартиры он играет их запрещенные произведения для семей, скрывающихся от гестапо.

Роман о Холокосте учился игре на фортепиано в частной школе, но ушел оттуда в разгар этюдов Черни²³. Преподаватель сказал, что у него сносное чувство ритма, но нет настоящего слуха. Чтобы играть серьезно, сказал он, нужно начинать в гораздо более юном возрасте, но как Роман о Холокосте мог рассказать о родительском доме, сырости с моря и единственной полке мятых энциклопедий, которые он перечитывал снова и снова? Как рассказать, что он был слабоумным, неуклюжим ребенком, который вечно что-то делает не так и на которого постоянно кричат?

В Романа о Холокосте семьи не могут аплодировать Францу Игнацу, иначе они себя выдадут, поэтому каждый прикасается к его щеке и с благодарностью смотрит в глаза. Позже, в лагере, этот жест становится душераздирающим, а потом жестоким, когда его использует комендант. Мать Романа о Холокосте делала так же, когда он ее расстраивал или делал что-то не так (то есть все время). Он старался избегать ее взгляда, потому что тот заставлял его стыдиться, и мать касалась рукой его лица и поворачивала к себе, а потом смотрела прямо на него, и он уже не мог держать свои тайны в себе. Как это стало такой большой частью книги, Роман о Холокосте точно не знает, а что именно это означает – от него ускользает. Вину, конечно, или, может быть, обвинение против матери, но когда он думает о ней, то не считает ее в чем-либо виноватой. Уж точно она не имеет отношения к шести миллионам погибших, а сравнивать его одинокое детство с геноцидом – это оскорбление, непристойность. Но он поступил именно так.

Стюардессы проходят с горячими полотенцами, и Роман о Холокосте утирает лицо лимонным ароматом. После семи часов в кресле это должно освежить. Важное утреннее шоу меньше чем через час, и нужно придумать, что говорить.

Его спросят о родителях – уничтоженных, как деревня на острове, где одичавшие козы бродят по горам и спят на кухнях. Они произнесут волшебное название лагеря, в котором он выжил, будучи ребенком (нет, он не позволит им снять номер у него на руке, зеленый, расплывшийся и почти нечитаемый), и попросят рассказать свою историю.

¹⁹ Британский телеканал, ориентированный на молодежную аудиторию.

²⁰ Микеланджело Антониони (1912–2007) – итальянский кинорежиссер и сценарист, классик авторского кино.

²¹ Игнац Мошелес (1794–1870) – богемский пианист, дирижер, композитор еврейского происхождения.

²² Феликс Мендельсон (1809–1847) – немецкий композитор, пианист, дирижер еврейского происхождения.

²³ Карл Черни (1791–1857) – австрийский пианист, композитор, педагог, знаменитый созданием множества этюдов и упражнений для фортепиано.

«Все в книге», – скажет он, возвращая всех к Францу Игнацу с Мендельсоном. Он выступит поборником Мошелеса, композитора, которого мало кто знает, и, хотя эта тактика выигрывает ему некоторое время, она не убережет от собственной истории, от тех строк и безумных документов, отделяющих полезное от мертвого. Он был деревенским мальчишкой, привыкшим к труду, с икрами, раздутыми от подъема по горным тропинкам. Его родители были стары (хотя, объясняет он себе, он понимает: родители были на десять лет моложе, чем он теперь). Это не та история, что интересна Роману о Холокосте. Им просто не повезло, а книга не об этом.

Потому что Роман о Холокосте волшебен. В нем Франц Игнац встречает в лагере друга – шахматное дарование по имени Давид. Давиду восемь лет, и он в двух шагах от того, чтобы стать гроссмейстером; его отец и отец его отца были чемпионами во Вроцлаве. Это недалеко от правды, хотя Роман о Холокосте никогда и не видел мальчика, который на самом деле жил в другом бараке. Он был латышом, и его имя начиналось на букву «К». Коля? Стоило бы запомнить. В реальной жизни мальчика расстреляли из пулемета вместе с сотнями других детей, но в Романа о Холокосте они с Францем Игнацем долго рассуждали о логике нацистов и о том, как, воспользовавшись метафизическим дефектом в их рационализме, они могут всех спасти. Это явно комично, и, хотя такое рассуждение явилось не из реального мира лагерей, в нем содержится глубоко человеческая и философская истина, блестяще работающая в Романа о Холокосте.

Они уже снижаются над Нью-Йорком, и пока они подлетают, внизу маячит Лонг-Айленд. У Романа о Холокосте закладывает уши, он вынужден вонзить в одно из них мизинец. Когда самолет касается земли, его соседи аплодируют, а он думает: зачем?

Сопровождающая от американского издателя ждет у выхода, подняв его книгу, чтобы он ее узнал. Она хочет взять у него ручную кладь, но он с легкостью отвергает помощь. Снаружи ждет лимузин от телеканала, кожаная полость вместо сиденья, дополненная баром, и с телевизором, показывающим – постоянно, предполагает он, – канал, по которому его покажут.

– Как тур? – спрашивает сопровождающая, и он отвечает, что это его первое мероприятие и что обычно он боится подобных вещей и вообще редко выходит из своей квартиры. Он понимает, насколько жалко это звучит, пусть даже это правда. Почему он чувствует потребность исповедоваться перед незнакомыми людьми?

– Вы, наверное, взволнованы всей этой шумихой из-за Опри. Мы – да.

– Это было довольно неожиданно, – признает он. – Должен сказать, я мало что знаю о самом шоу.

– Оно классное, – заверяет она. – Все его смотрят.

Куинс проносится мимо, и Роман о Холокосте вдруг одолевает голод. Ему хочется уйти в отель и поспать. Он уже скучает по Лондону, по виду на парк из высоких окон, по свистящему на плите чайнику, зовущему его встать из-за стола и вернуться, ненадолго, в реальный мир.

Мимо проплывает кладбище в милю длиной, холмы усеяны крестами – сколько их тысяч? – а потом перед ним встает город, будто ограда, а внизу синееет река. Он бывал здесь раньше, гостил у своих издателей, но никогда не появлялся в качестве знаменитости (хотя, как ни странно, сейчас он чувствует себя даже менее реальным, скорее самозванцем). С моста фасады красиво блестят в оранжевом утреннем свете, и город словно принадлежит ему. Он задумывается: не так ли ощущается власть?

Сколько людей здесь живет – десять, двенадцать миллионов? Роман о Холокосте представляет, как их места занимают мертвые, как жилые и офисные здания набиты ими, лифты безнадежно пытаются закрыть двери.

Это профессиональный риск, думает он, или просто такова его жизнь и то, что ему повезло (не повезло) остаться в живых? Он здесь, Роман о Холокосте, и вот-вот засветится на

все Штаты, и ему следует быть мудрым. Ответственность просто невыносимая. Что ему сказать этим людям?

Они захотят обсудить фильм, доволен ли он режиссером (нет) или сценарием – одеялом из простецких клише. Они спросят, соответствует ли фильм книге. По контракту он волен говорить, что думает, но его агент советовал либо говорить хорошее, либо вежливо уклоняться, переводить вопрос на следующий абстрактный уровень – о литературе против популярного искусства.

В фильме по Роману о Холокосте есть любовные сцены на нарах. Франц Игнац и Давид – подростки, и оба влюблены в одну девочку, которая в книге упоминается всего дважды. Всех нацистов будут играть британские актеры, а мальчиков – две американские телезвезды. Режиссер решил, что действие должно происходить летом, для усиления контраста – с пением птиц и солнцем, проглядывающим сквозь деревья. Он хочет использовать клезмерскую музыку²⁴ для деревенских сцен и угрюмую симфоническую – для лагеря. («Может быть, Мендельсон подойдет?» – хотел спросить Роман о Холокосте.) Все это режиссер написал в длинном, внезапном письме спустя месяц после того, как был подписан контракт. Роман о Холокосте с тех пор ничего о нем не слышал – только невнятные новости от агента.

– Подпишите мне экземпляр? – спрашивает его сопровождающая, и он непроизвольно берет у нее книгу, находит титульную страницу и подчеркивает свое имя. Для этого он здесь и находится.

– Спасибо, – говорит она. – Я еще не успела прочитать, но выглядит все очень интересно. Мне очень понравился «Выбор Софи»²⁵.

– Я не читал, – отвечает он, возвращая ей книгу, но она тут же пользуется преимуществом и говорит, что ему стоит посмотреть фильм, что Мери Стрип в нем очень хороша.

Они уже на Манхэттене, машины плетутся от светофора к светофору, тротуары забиты людьми. Все мертвы, думает он, воображая, как все падают, как обмякшие тела лежат на рулях. Может, тогда они поймут.

---

²⁴ Традиционная музыка восточноевропейских евреев.

²⁵ Роман Уильяма Стайрона о женщине, выжившей в Освенциме. Опубликовано в 1979 г. В 1982 г. экранизирован режиссером Аланом Дж. Пакулой. Главную роль в фильме исполнила Мери Стрип.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.